

Книга I

ЯВЛЕНИЕ ПАНА

Глава I

Посреди соснового бора, что называется Койля Дорак², не очень-то давно жили два Философа. Были они мудрее всех на белом свете, если не считать Лосося, какой таится в озере, что в Глин Кайни³, куда падают с прибрежного лесного куста орехи познания. Лосось этот, конечно же, — самое глубокомысленное из всех живых существ, но Философы — те по мудрости уступали едва-едва. С виду казалось, что лица у них сделаны из пергамента, под ногтями у Философов темнели чернила, и всякую трудность, что предъявлял им кто угодно — хоть бы и женщины, — умели они мгновенно разрешить. Седая Женщина из Дун Гортин⁴ и Тощая Женщина из Иниш Маграта⁵ задали им три вопроса, на которые никто никогда не знал ответа, а Философы его нашли. Вот как заслужили они неприязнь этих двух

женщин, а она ценнее дружбы ангелов. За то, что ответ был им даден, Седая Женщина и Тощая Женщина так осерчали, что вышли замуж за Философов — ради того, чтобы щипать их в постели, — но шкуры у Философов оказались толстые: Философы и не догадывались, что их щиплют. Женщинам за их ярость отплатили они таким нежным обожанием, что те лютые созданья чуть не скончались от досады, и как-то раз в упоении злости, расцелованные мужьями, пробормотали тысячу четыреста проклятий, заключавших в себе всю их мудрость, — и выучили их Философы, и так стали еще мудрее.

Когда подошло время, в тех двух браках родилось по ребенку. Появились они на свет в один день и в один час и различались лишь тем, что один получился мальчик, а второй — девочка. Никто не смекал, как так вышло, и впервые в своей жизни Философам пришлось восхищаться событием, какое не под силу им было предречь; впрочем, доказав многими разными способами, что те дети — действительно дети, а также чему быть должно, тому должно быть, факту не возразишь, а что случилось единожды, может случиться и дважды, они описали то явление как необычайное, однако ж не противоестественное, после чего мирно отдались на волю Провидения, сделавшись даже мудрее прежнего.

Философ, у которого родился мальчик, остался очень доволен, потому что, сказал он, на свете слишком много женщин, а Философ, у которого родилась девочка,

тоже остался очень доволен, потому что, сказал он, хорошего слишком много не бывает; Седую Женщину и Тощую Женщину, однако, материнство нисколько не смягчило — они сказали, что уговора такого не было, дети возникли мошенническим путем, а обе они — почтенные замужние женщины, и в знак протеста против всех кривд они, Женщины, никакой еды Философам готовить больше не станут. Эта весть обрадовала мужей, поскольку стряпню жен своих они терпеть не могли, но вслух этого не сказали, ибо тогда женщины, знай они, что мужьям пища их не любя, без сомненья, настояли бы на своем праве стряпать; а потому Философы молили жен своих что ни день приготовить какой-нибудь славный обед, и жены отказывали им неизменно.

Все они жили в домике в самой середке темного соснового бора. Солнце сюда не пробивалось никогда — уж слишком глубокая была здесь тень, и ветер не проникал — слишком уж густы ветви, а потому уединеннее и тише места не сыщешь на всем белом свете, и Философы день-деньской слушали, как оба думают, или же произносили речи друг перед другом, и были то наимприятнейшие звуки из всех, какие им ведомы. Звуков же для них существовало два вида — беседа и шум: первое они обожали, а вот о втором говорили с суровым осуждением, и, даже если исходили те звуки от птицы, ветерка или от ливня, сердились Философы и требовали отмены тех звуков. Жены Философов говорили редко, однако никогда не молчали: они общались

друг с дружкой своего рода физической телеграфией, которой они обучились у *сидов*⁶, — щелкали суставами пальцев то быстро, то медленно, и так им удавалось общаться промеж собой на громадных расстояниях, ибо вследствие обширного опыта получалось производить мощные взрывные звуки, едва ль не громовые раскаты, а также звуки помягче — как падает серая зола на камень перед очагом. Тощая Женщина своего ребенка на дух не выносила, зато любила дитя Седой, а Седая Женщина любила младенца Тощей, а своего терпеть не могла. Компромисс способен устранить даже самые мудреные неувязки, а потому женщины обменялись детьми и сразу же сделались самыми нежными и любящими матерями, каких только можно вообразить, и обе семьи смогли жить себе дальше в согласии едва ли не более совершенном, нежели сыщется где бы то ни было.

Дети росли милыми и пригожими. Поначалу мальчонка был коротышка и толстяк, а девчушка — дылда и тростинка, затем девчушка сделалась округлой и пухлой, а вот мальчонка — худощавым и жилистым. Так вышло потому, что девчушка, бывало, сиживала тихонько и вела себя смирно, а мальчонка — не бывало.

Прожили они много лет в глубоком уединении посреди бора, где вечно царил полумрак и где обыкновенно играли они в свои детские игры, мелькая среди сумрачных деревьев подобно маленьким шустрим теням. По временам матери их, Седая Женщина и Тощая Женщина, играли с ними вместе, но такое случалось

редко, а иногда отцы их, два Философа, выходили из дому, глазели на детей сквозь очки — круглые и очень стеклянные, заключенные по всей кромке в здоровенные роговые окружности. Впрочем, водились у детей и другие приятели по играм, с кем можно было шалить дни напролет. В подлеске носились кролики, сотни их, большие потешники, играть с детьми они обожали. А еще в игры их включались белки, а также козы, когда-то отбившиеся разок от большого мира, — их привечали здесь так тепло, что они, когда удавалось, всегда возвращались сюда. Были и птицы — вороны, дрозды и трясогузки, малышня они знали близко и навещали ее, когда позволяла их занятая жизнь.

Неподалеку от домика располагалась в лесу поляна, футов десять квадратных; летом на эту поляну, словно в воронку, палило солнце. Диковинный сияющий столп среди леса первым обнаружил мальчонка. Однажды отравили его собирать шишки для растопки. Поскольку собирали их ежедневно, вокруг дома шишек попадалось мало, а потому, высматривая еще, мальчик убрел от дома дальше обычного. Завидев необычайное сияние, он оторопел. Никогда не видал он ничего подобного, и стойкий, немеркнувший свет породил в ребенке поровну страха и любопытства. Любопытство одержит победу над страхом вернее, чем даже отвага: и впрямь же вело оно многих к опасностям, от коих простая телесная смелость отшатнулась бы прочь, ибо голод, любовь и пытливость — величайшие побудители жизни.